

НОВАЯ ЭТИКА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СМЫСЛА БЫТИЯ И ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ

NEW ETHICS IN THE CONTEXT OF PROBLEMS THE SENSE OF EXISTENCE AND THE VALUES OF LIFE

В. И. Фалько
V. Falko

*Мытищинский филиал Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана,
г. Мытищи, Россия,
vfalco@yandex.ru*

Mytishchi branch of Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Mytishchi, Russia

Многие новые этические концепции, пытаясь преодолеть недостатки онтологического обоснования этики в классических учениях и современных альтернативных им теорий, возвращают этическую мысль к вечным вопросам смысла бытия всего сущего и ценности жизни человека и других существ и предлагают расширенные интерпретации онтологии. В современном массовом и теоретическом нравственном сознании получает распространение абсолютизация ценности нового, будущего как такового, и утверждение критериев моральности поступков в поддержании открытости к наступлению нового бытия. Тем самым человек и общество превращаются в функцию хаотических событий, не имеющих ничего общего со всей историей человечества и личностью субъекта и потерю ими своего бытия. Предлагается основанная на моральной практике онтология творчества бытия как со-бытия метамоментов прошлого, настоящего и будущего в одномодусной концепции времени.

Many new ethical concepts, trying to overcome the shortcomings of the ontological substantiation of ethics in classical teachings and modern alternative theories to them, return ethical thought to the eternal questions of the meaning of being of all things and the value of the life of man and other beings and offer extended interpretations of ontology. In modern mass and theoretical moral consciousness, the absolutization of the value of the new, the future as such, and the approval of the criteria for the morality of actions in maintaining openness to the onset of a new being, are spreading. Thus, man and society are transformed into a function of chaotic events that have nothing in common with the entire history of mankind and the personality of the subject and their loss of their being. The ontology of the creativity of being as the co-existence of meta-moments of the past, present and future in a single-mode concept of time, based on moral practice, is proposed.

Ключевые слова: экстремальная этика, экстремальные ситуации, экстремальные состояния, вера, верность, любовь, вечность, метамоменты времени, трансцендентность, виртуальность.

Keywords: extreme ethics, extreme situations, extreme states, faith, fidelity, love, eternity, meta-moments of time, transcendence, virtuality.

<https://doi.org/10.46646/SAKH-2021-1-99-102>

Человек только тогда по-настоящему дорожит жизнью,
когда у него есть что-то несоизмеримо дороже собственной жизни.

Лина Костенко

Ты не знаешь, зачем живёшь, пока не найдёшь то,
ради чего готов умереть.

Бхакти Чайтанья Бхаради Свами

Обращение к проблемам экстремальной этики как нормативной теории нравственного поведения в экстремальных ситуациях или как этики экстремального добра А. Бадью, ставит вновь и вновь вечные вопросы, от которых пытаются уйти многие современные этические концепции. Именно неразрешимость раз и навсегда предельных, «проклятых» вопросов о смысле жизни и бытия всего сущего, ценности жизни человека и других живых существ требует от каждого из нас ставить и решать их здесь и сейчас своими свободными и ответственными поступками. Для решения вечных проблем в повседневной неповторимости обычных или экстремальных ситуаций необходимы вечные критерии и ценностные ориентиры, выработанные историей человечества, а новизна и сложность нашего времени требует обращаться к теоретическому осмыслению этих проблем не только от тех, кто занимается вопросами этики профессионально, но и от каждого сознательного человека.

Проблемы биомедицинской и экологической этики, потребности их теоретического переосмысления в условиях современности и необходимости формировать готовность к вызовам грядущего предполагают обращение к общей этике и философии морали. Вся история человечества свидетельствует о приоритетной роли нравственности в решении всех проблем обеспечения существования и развития общества и человека. Опережающий характер нравственности по отношению к проблемам технологии и охраны окружающей среды был признан ещё на Всесоюзном научном симпозиуме по проблемам глобальной нравственности в январе 1989 г. в Москве. Размышление нравственных и духовных ценностей было определено главной глобальной проблемой современности в начале 90-х гг. в Первом докладе Римского клуба. И эта проблема обостряется, её узловым характером для решения всего комплекса глобальных проблем становится всё более очевидной и всё менее поддающейся решению.

Не в том ли причина этого положения, что корневой характер духовных и нравственно-этических проблем не был признан в качестве приоритета в обеспечении устойчивого развития ни в 1992 г. в 27 принципах Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, ни в 2001 г. в восьми Целях развития тысячелетия ООН, ни в 2015 г. в 17 Целях устойчивого развития на период до 2030 г.? Конечно, необходимо ставить эти вопросы на всех уровнях обсуждения задач прикладной и общей этики. Но не потому ли нравственная проблематика обходится всем мировым сообществом как главная, что недостаёт её теоретического осмысления в плане философии, аксиологии и методологии реализации нравственности в прикладных областях? Неужели мы боимся ставить эти проблемы, даже не во главе, а хотя бы в ряду самых настоятельных вопросов и задач, требующих решения сегодня, а не послезавтра?

Но, как говорил К.Э. Циолковский в беседе с А.Л. Чижевским о «Теории комических эр»: «Представьте себе философов, которые боятся! Демокрита, который трусит! Немыслимо!». При этом русский учёный имел в виду «вопрос вопросов», который мы «непременно задаем себе в минуты наибольшего проникновения в сущность вещей. Прежде всего – вопрос: зачем все это?... Зачем существует мир, Вселенная, Космос? Зачем? Зачем?» [1]. Именно этот вопрос о смысле бытия, который, как и вопрос о смысле жизни каждого человека, остаётся главным в новейшей этике, так же как в современной философии и аксиологии. Несмотря на то, что многими авторами он обходится как ушедшее в прошлое вместе со всем классическим дискурсом эссенциальное вопрошание о сути бытия. И этот вопрос является непосредственным основанием проблематики биомедицинской этики как науки о нравственном отношении к живому, к жизни в природном и антропологическом её проявлениях. Это и вопрос вопросов экологической этики, имеющей своим предметом нравственное отношение ко всей природе и человеческому бытию.

Особенности современной общей и прикладной этики обусловлены, во многом, отходом новых направлений теоретической мысли от её классических онтологических и аксиологических оснований. Отказ теории от вопроса вопросов о сущности бытия и общественных норм поведения от нравственной оценки чужого образа жизни выражаются в ниспровержении массовым сознанием выработанных всей предшествующей историей ценностных ориентиров и критериев оценки ценностей, которое и составляет главную глобальную проблему последних десятилетий. Но реальное переживание каждым человеком ценности своей и чужой жизни, значимости существования человечества и продолжения бытия как такового рефлектируются и в новейших концепциях этики. Неявное присутствие вопросов о смысле бытия и ценности жизни человека в новых этических теориях требует переосмысления этих подходов с позиций сохранения того вечного, спасительного содержания понятий и идей, которые отвергаются современными взглядами и нравами.

Примером современной этической концепции, претендующей на отыскание новых теоретических оснований для морали, является «Трактате об этике» Андрея Железнова. В этом трактате анализируются этические теории классической и современной этики и формулируются её основные положения в авторском понимании. Критика онтологического обоснования традиционной этики сводится, по существу, к тому, что в бытии нет достаточных оснований для должного. Делается вывод: «Нам следует предложить подход к поиску источника должного. Это не должен быть путь от онтологии к практике» [2, с. 30].

Анализ альтернативных этических теорий от Ф. Ницше и М. Хайдеггера, основанных на критике метафизики, до постмодернистской деконструкции морали, утверждающей имманентность морали в этике Ж. Делёза, показывает, что имманентизм не открывает пути к источнику должного, не даёт критерия моральности поступка. Но возвращение к трансцендентному источнику добра в классической этике означал бы, наверное, повторение уже отвергнутого пути от онтологии к моральной практике.

Альтернативная посмодернизму экстремальная этика современного французского философа Алана Бадью, излагаемая в его трудах «Бытие и событие», «Этика: Эссе о сознании Зла» и др., связывает моральный поступок с участием в бытии как событии. Бадью формулирует императив следования бытию: «Делай всё, что можешь, упорствуя в прерывании, охватывая в своём бытии то, что охватило и прорвало тебя» [2, с. 41]. Этот императив участия в событии, не определённого ничем из существующего, по существу, означает, что участие в событии всегда представляет собой добро. Однако это не так: то или иное событие и участие в нём может быть злом или не должным. То есть этика бытия как участия в событии повторяет тупики традиционного онтологического обоснования морали. И поскольку этот императив не содержит в себе критерия для определения того, соотносятся ли наши действия с бытием или нет, добро у Бадью экстремально, невозможно для простого человека в обыденной жизни. Экстремальные *состояния*, например, гениальности, влюблённости, героизма, в которых человек совершает добро, не дают никаких ориентиров для поведения любого из нас в экстремальных *ситуациях*, в особенно-

сти длящихся весьма продолжительно. В итоге, экстремальная этика Бадью не только не в состоянии предложить основания для прикладной этики экстремальных ситуаций, но и лишает нас общей этики.

Анализ попыток преодоления традиций онтологического и трансцендентального обоснования теории и практики морали, разработки этики из новых оснований показывает, что остаётся нерешённым и актуальным для этики вечный вопрос о смысле бытия: «Из анализа данности нам морали как таковой мы планируем узнать, ради чего мы на самом деле действуем морально, какой смысл вкладываем в моральный поступок» [2, с. 47. Курсив мой – В.Ф.]. Если под смыслом, который вкладывается в моральный поступок, понимается не значение этого слова, а то бытие или сверхбытийное основание для нравственного выбора и морального творчества, то мы имеем дело с исходным пунктом для философии морали и этики в самой нравственной практике, опыте вопрошания о вечных проблемах и необходимости их решения каждым человеком здесь и сейчас.

Исходя из невозможности исходить из традиционных моральных принципов и стремясь идти «снизу вверх» – от морали к онтологии, А. Железнов полагает в основание этики определение морального характера наших поступков: «Моральными называются поступки, имеющие своей целью создание или поддержание открытости к наступлению нового (бытия). ...Моральные поступки имеют смысл, только если само новое бытие как таковое представляет собой ценность... Опыт отношения к будущему и новому бытию мы находим в вере, которая, по сути, и является практическим моральным императивом» [2, с. 183].

Нетрудно видеть, что восхождение от моральной практики к онтологии необходимо приводит к новым онтологическим и антропологическим основаниям этики, где наступление новых событий вызывается при содействии нравственного субъекта. Это, пожалуй, не есть возврат к классической абсолютной первичности онтологии и антропологии по отношению к этике, а взаимное диалогическое, рефлексивное определяющее воздействие сущего и должного, диалог и взаимопроникновение философии и этики. Этот вопрос методологии этики, как и последующие замечания к идеям новых её оснований, требует более глубокой и детальной разработки.

Новизна предложенных в рассматриваемом трактате онтологических и антропологических составляющих оснований этики сводится, по существу, к акценту на будущем как новом, не имеющем оснований в наличном бытии. Имеется ли, однако, критерий нравственности поступков, создающих или поддерживающих новое, не бывшее ранее: ведь в новых событиях бывает не только добро, но и зло или недолжное. Таким критерием предлагается считать веру – но не веру в Бога и абсолютное трансцендентное добро, а в то, что содействие новому как бытию и есть благо.

Однако эта вера представляется не только самонадеянным благодушием, отражающим, кстати, распространённый жизненный принцип «никогда не быть прежним» и стремление отказываться от традиционных ценностей как изживших себя. Это и обман тех, кому адресован этот императив. Следуя ему, человек не может быть и самим собой, ибо для этого необходима память, приверженность тому внутреннему видению себя как совокупности атрибутивных качеств, своей индивидуальности, рекурсивно воспроизводимой самости как константы в постоянно новом бытии своего Я. Если человек в своём ежесекундном самовоспроизведении является функцией только тех хаотических отношений, которые образуют будущее, и событий, составляющих новое, он распадается как личность, теряет свою внутреннюю и внешнюю свободу и своё человеческое бытие.

Для бытия человека или вещи, события и момента времени необходимо *единство всех трёх модусов времени и приобщение к вечности*. Для наступления будущего в качестве настоящего нужно, чтобы отношение само по себе как виртуальное существование нового, реализовалось на субстрате настоящего благодаря тому или иному его свойству как бытию прошлого в этом настоящем. Современная онтология времени уже не укладывается в идущее от Августина представление том, что время течёт только в настоящем, имеющем в себе метамоменты всех трёх модусов. Есть и другие темпорологические концепции, в т. ч. логика и философия одномодусного времени А. Уёмова, текущего на всём своём протяжении [3].

Эта онтология представляется перспективной в разработке философии морали и этики, в обосновании такого нравственного императива, который заключается в *поддержании бытия как со-бытия метамоментов прошлого, настоящего и будущего*. Творчество нового не может быть осуществлением только того, что не имеет ничего общего с настоящим и прошлым. Пойезис и аутопойезис возможны как воплощение человеком себя самого, состояния своей души в том или ином субстрате. Но в нашем прошлом есть и то, что отжило, изжило себя, даже способное не животворить, а оказывать губительное, мертвящее воздействие на настоящее. Очищающей, спасительной силой может быть вера, но не столько в будущее, новое, а, главное – *в вечное и абсолютное*. Мораль без абсолютного начала в нём теряет свой статус и, релятивизируясь, превращается в прагматику. Заменить такие абсолютные основания морали, которые всегда закреплялись в религии, не представляется возможным. Но богословское обоснование христианских или иных, подлинно религиозных учений о добре и зле, морали и этике требует современного философского осмысления. Причём в наше время это требуется не только от теоретиков, но и от каждого субъекта.

Важным понятием для оснований этики является также *верность*, которую Габриэль Марсель считал единственной победой над временем. Победа над временем не противоречит содействию наступлению новых событий, а, наоборот, означает обретение способность овладевать им, участвовать в его творении. Верность не есть преданность или привязанность, соотносимые с прошлым, а сверхвременное отношение к поддержанию событийности бытия. Она не заменяет, а предполагает *любовь*, наделяет её ценность абсолютным статусом, соединяет с ценностью свободы. Именно любовь (а не только и не столько влюблённость) делает любого человека способ-

ным творить добро, даже если оно представляется экстремальным, и совершать то, что невозможно без неё. Без любви невозможно такое решение практических вопросов о *ценности жизни*, которое требует соотносить ценность собственной жизни с ценностью жизни других людей, жизни других существ, ценностями, несоизмеримо более высокими, чем собственная жизнь.

Для морального поведения и, в особенности, в экстремальных ситуациях, важно не только индивидуальное отношение к творчеству бытия, но и совместное, коллективное участие в осуществлении добра, представляющегося невозможным, экстремальным для разрозненных субъектов. Общение и диалогическое взаимодействие как способы социального бытия, формирование коллективного интеллекта и социального субъекта, в том числе с применением современных методологий и социально-гуманитарных технологий, создаёт как новые темы для этических исследований, так и эффективные пути решения нравственных проблем, порождаемых вызовами времени [4].

В условиях пандемии Ковид-19, потребовавших изоляции стран, других территориальных и социальных систем друг от друга возникают предпосылки для более успешного их сохранения и самовоспроизводства в соответствии с теорией социальной системы Никласа Лумана, в т. ч. путём использования внутренней функциональной замкнутости для обеспечения их аутопоиэзиса. Это имеет значение и для разрешения проблем экологии образования [5].

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы, относящиеся к основаниям новой этики.

1. Для постановки и решения нравственно-этических вопросов недостаточно имманентной этики и онтологии наличного бытия, необходимо трансцендирование к духовным источникам морали. В выработке общей теории морали и глобальной этики не представляется возможным отказаться от веры в абсолютные основания этики, но необходимо философское переосмысление религиозных заповедей на современном уровне.

2. Онтология и антропология, с одной стороны, и этика, с другой, находятся в отношениях диалогической взаимной обусловленности. Онтология, выходя за рамки наличного бытия, должна рассматривать и виртуальные состояния человеческой психики и социальной реальности, в том числе в сотворчестве бытия, виртуальный и трансцендентный горизонты бытия и участия в осуществлении событий.

3. Участие в осуществлении событий, сбывании грядущего, должно гармонично сочетаться с поддержанием прошлого в настоящем как исторической, культурной и личной памяти, сохранении вечных ценностей и критериев нравственности, без чего невозможно решение вечных проблем смысла бытия и ценности жизни. Моральные поступки как творчество событий могут рассматриваться как неповторимое в каждый момент со-бытие метамоментов времени в единстве всех его модусов.

4. Экстремальная этика как этика экстремальных ситуаций основывается на признании невозможности стандартных решений любых моральных вопросов, способности каждого человека к неповторимым проявлениям своей самости, к творчеству и риску. Этика экстремальности состояний человека отрицает существование непреодолимых внутренних препятствий для решения каждым человеком нестандартных этических задач и предполагает использование возможностей коллективного разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чижевский А.Л.* Теория комических эр // [Электронный ресурс]. URL: <https://pub.wikireading.ru/22903>. Дата обращения: 9.04.2021.

2. *Железнов А.* Трактат об этике [Электронный ресурс]. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?url=/download_book/33830966/60538546/&art=33830966&user=686112600&uilang=ru&catalit2&track_reading. Дата обращения: 9.04.2021.

3. *Фалько В.И.* Метамоменты одномодусного времени // IX Уйомовські читання (2021): матеріали Наукових читань пам'яті Авеніра Уйомова / упор. і ред. К. В. Райхерт. Одеса : Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2021. – С. 82–89.

4. *Фалько В.И.* Искусственный интеллект и коллективный разум в контексте универсального эволюционизма // Мир и наука в XXI веке: глобальные вызовы и риски: сборник материалов IV Международной научной конференции цикла конференций «Мир и наука в XXI веке: глобальные вызовы и риски», РАН, 2021 г. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2021. С. 101–110.

5. *Фалько В.И.* Непрерывное экологическое образование для устойчивого развития как важное направление // Экология образования в условиях деглобализации модернизации образовательной системы: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. Нур-Султан, 16–17 октября 2020 г. Нур-Султан: ИП «Булатов А.Ж.», 2020. С. 100–104.